

— Тан Мин упоминал, что супруги Ли нашли кого-то на роль козла отпущения? — поинтересовался Хо Чэнъи, не прерывая силовую тренировку на блочном тренажере.

Последние несколько дней у Вэй Цзыхана вошло в привычку каждый вечер проводить в спортзале, наблюдая за реабилитацией Чэнъи. Он с удивлением замечал, как мышцы того с каждым днем становятся всё крепче и рельефнее, а сам мужчина — всё привлекательнее.

При первой встрече Хо Чэнъи показался ему типичным «хрупким красавцем». Да, он был чертовски хорош собой, но в нём совершенно не чувствовалось мужской силы; он выглядел как изможденный больной, который может испустить дух в любой момент.

Но теперь, по мере того как восстанавливалась выносливость, проявлялся и мышечный корсет. Цзыхан, будучи неисправимым янькуном, не мог отказать себе в удовольствии ежевечерне созерцать это преобразование: Чэнъи не просто стал краше, от него теперь за версту веяло маскулинностью.

Разумеется, Хо Чэнъи не раз предлагал ему присоединиться к тренировкам, но Цзыхан был ленив. Потрясающе ленив. Если можно было сидеть, он никогда не стоял; если можно было лежать, он не сидел. Так что о совместном спорте не могло быть и речи.

— Ага. Говорят, они отвалили кому-то двести тысяч юаней. Поверить не могу, что на такую мизерную сумму кто-то клюнул. Насколько же им нужны были деньги! — Цзыхан отхлебнул молока, искренне не понимая логики этих людей.

За подлог и лжесвидетельство светило минимум три года. Если потратить это время на нормальную работу, можно заработать куда больше двухсот тысяч. А тут — ни сна нормального, ни еды, еще и пахать в колонии заставят!

Хо Чэнъи, заметив его недоумение, решил уточнить:

— А сколько тебе платили, когда ты работал на шахте?

«На шахте? Сам ты углекоп, и вся твоя родня — углекопы!» — так и подмывало съязвить Цзыхана, но вовремя всплывшее воспоминание охладило его пыл. Оригинального владельца тела действительно когда-то продали на нелегальную угольную шахту.

Память об этом периоде была туманной, и Цзыхан понятия не имел, платили ли парню хоть что-то. В книге упоминалось, что приемные родители сбыви его как бесправную рабочую силу. И без того недоедавший юноша к моменту спасения превратился в обтянутый кожей скелет.

— Ни копейки я не получил, — подумав, развел руками Цзыхан.

Увидев тень на его лице, Хо Чэнъи догадался, что те времена были далеко не сахарными. Приемные родители всегда знали, что он не родной, поэтому сваливали на него всю тяжелую работу по дому и в поле. Сначала они и вовсе не хотели отдавать его в школу, но побоялись осуждения односельчан, поэтому нехотя позволили окончить начальные классы. В средней школе его планировали заставить бросить учебу и отправить на заработки, но парень оказался слишком талантлив: уездная школа выделила ему стипендию, которой при его бережливости хватало на всё необходимое.

Когда он, вопреки всему, поступил в Яньцзинский университет, казалось, жизнь начала налаживаться. Но тут последовал удар в спину — приемные родители продали его уведомление о зачислении другому человеку, а самого парня отправили в рабство на шахту. Позже, когда его всё-таки вернули в клан Вэй, он бесконечно попадал в ловушки «доброго» и «заботливого» Вэй Цзюньцзе, из-за чего семья постепенно теряла к нему всякое терпение. Старший брат, Вэй Цзюньхао, всегда обожал Цзюньцзе, а узнав, что тот не родной, и вовсе проникся к нему двусмысленными чувствами. Добавьте к этому взаимную симпатию Цзюньцзе и главы клана Шэнь, Шэнь Юньтина, чья свадьба была не за горами — и станет ясно, почему Цзыхан превратился в «грязное пятно» на репутации семьи, от которого они мечтали избавиться как можно скорее.

Хо Чэнъи закончил подход, вытер пот полотенцем и, подойдя к Цзыхану, ласково взъерошил его мягкие волосы.

— Всё в прошлом. Теперь я рядом, и никто больше не посмеет тебя обидеть.

«А если посмеет — я заставлю его заплатить вдвойне», — добавил он про себя.

Цзыхану, к собственному удивлению, начало нравиться, когда Чэнъи так гладил его по голове. Он невольно потерся макушкой о ладонь мужчины, прямо как щенок, и, задрав голову, счастливо улыбнулся.

В этот момент Хо Чэнъи и впрямь показалось, что перед ним сидит маленький песик, преданно виляющий хвостом. Стоило в голове возникнуть сравнению «питомец и хозяин», как его рука едва заметно дрогнула. Откуда взялось это странное, почти запретное чувство азарта?

Цзыхан и не подозревал о ходе его мыслей. Он лишь увидел, как Хо Чэнъи медленно наклоняется к нему, втягивая воздух. Парень невольно напрягся.

«И почему от него так приятно пахнет, даже когда он потеет? — промелькнуло в голове. — Чего это он так близко? Неужели решил меня "закадрить"?»

Нет, так нельзя! Хоть он и был янькуном, у них с Хо Чэнъи подписано соглашение. Если он сейчас даст волю чувствам, а потом придется выполнять условия контракта до конца... он же просто пропадет!

Пока в голове Цзыхана бушевал хаос, он услышал низкий, бархатный, точно звуки виолончели, голос Чэнъи:

— От тебя очень вкусно пахнет.

— Да брось, мы же пользуемся одинаковым гелем для душа, — возразил Цзыхан, поднося руку к носу, но так ничего и не почувствовал.

Хо Чэнъи сделал еще один глубокий вдох и нарочито серьезно добавил:

— Такой нежный молочный аромат. Точь-в-точь как у новорожденного младенца.

Цзыхан мысленно фыркнул: «Сам ты младенец, и вся твоя семья — младенцы!»

После этого случая Хо Чэнъи стал находить Цзыхана еще более очаровательным. Ночью, когда парень крепко заснул, мужчина осторожно притянул его к себе. Уткнувшись носом в его шею и вдыхая тот самый молочный аромат, он с чувством полного удовлетворения погрузился в сон.

Когда зазвонил телефон, Цзыхан безмятежно спал. На ночь он всегда ставил беззвучный режим, так что звонка Тан Мина просто не услышал.

Разбудил его Хо Чэнъи. Он стянул с парня одеяло и принялся неумолимо нашептывать на ухо:

— Хан-Хан, вставай, тебе звонят.

Цзыхан спрятал голову под подушку, но Хо Чэнъи отобрал и её.

— Хан-Хан, пора вставать, ответь на звонок.

Следом с резким шорохом разъехались шторы.

— Хан-Хан, ну же, просыпайся.

В комнату ворвался яркий солнечный свет, и парню волей-неволей пришлось открыть глаза.

— ХО! ЧЭН! И! — Цзыхан заскрежетал зубами. Его терпение лопнуло.

В порыве неконтролируемого сонного гнева он схватил настенный светильник, закрепленный над кроватью, с корнем вырвал его из стены и швырнул в мужчину.

Хо Чэнъи среагировал мгновенно, едва успев уклониться. Раздался оглушительный грохот. Обернувшись, Хо Чэнъи замер.

Сверхпрочное пуленепробиваемое стекло в окне покрылось мелкой сетью трещин, похожей на морозный узор, а несчастная лампа разлетелась вдребезги, усыпав осколками дорогой ковер ручной работы.

Если бы он не успел пригнуться, его голова сейчас выглядела бы так же, как это стекло.

Придя в себя, Хо Чэнъи решительным движением прижал Цзыхана к кровати, нависая сверху.

— Ты что, решил мужеубийство совершить? — ледяным тоном спросил он.

Вспышка ярости улетучилась так же быстро, как и возникла. Осознав, что натворил, Цзыхан перепугался и затряс головой, как игрушечная собачка:

— Нет-нет, я не хотел! Честное слово!

— Ты стекло видел? — Хо Чэнъи криво усмехнулся. — Я его под заказ покупал, высшая категория защиты. Похоже, ты твердо решил стать вдовцом.

Цзыхану стало совсем не по себе. Обычное бесстрастное лицо Чэнъи его не пугало, но эта странная улыбка заставила парня похолодеть. От мужчины веяло настоящей опасностью.

Он тут же попытался перевести стрелки:

— Тебя точно обманули! Подсунули какой-то дешевый брак вместо нормального стекла. Ты обязательно должен потребовать компенсацию!

Глядя на то, как «крольчонок» вжимает голову в плечи и отчаянно оправдывается, Хо Чэнъи едва сдерживал смех, но сохранил на лице холодную мину:

— О, неужели?

Цзыхан закивал еще активнее:

— Точно-точно, обманули!

Глядя в эти огромные, полные жалобного раскаяния глаза, Хо Чэнъи не выдержал и расхохотался.

Только тогда Цзыхан понял, что над ним издеваются. И хотя он чувствовал свою вину за едва не пришибленного «мужа», внутри вскипела обида. Он решил, что больше не скажет Хо Чэнъи ни слова!

Тот сразу почувствовал перемену в настроении парня, но виду не подал. Сев за стол, он спокойно произнес:

— Давай, иди сюда. Завтракать пора.

«Пока не извинится — и с места не сдвинусь», — твердо решил Цзыхан.

— Не хочу! — буркнул он.

— А зря. Сегодня на завтрак яйца с трюфелем, вафли на сливочном масле и тосты с авокадо...

— Я на тебя обиделся, так что аппетита нет! — отрезал Цзыхан, а про себя подумал: «Ничего, подожду, пока он уйдет, и попрошу повара приготовить еще раз».

Но Хо Чэнъи будто читал его мысли:

— Кстати, шеф-повар сегодня взял отгул. Так что если не съешь это сейчас, придется готовить самому. — С этими словами он принялся за еду с самым невозмутимым видом. — М-м, трюфели только утром доставили самолетом, свежайшие. И с этими элитными яйцами сочетаются идеально...

Это было выше его сил. Цзыхан вскочил, хлопнув ладонью по столу:

— «За едой не разговаривают, перед сном молчат» — слышал о таком? Ты должен извиниться передо мной и пообещать, что больше не будешь так подшучивать!

Хо Чэнъи вскинул бровь:

— То есть ты сначала пытаешься меня убить, а потом требуешь, чтобы едва не ставший трупом муж извинялся?

После этих слов Цзыхану снова стало неловко. Он опустил голову и тихо промямлил:

— Я же не нарочно...

Хо Чэнъи, забавляясь, потянул его к себе и усадил на колени. Щелкнув парня по носу, он мягко сказал:

— Ну ладно тебе, не дуйся. Ешь давай.

Цзыхан неловко завозился, чувствуя себя не в своей тарелке. И почему у него возникло это странное, доселе незнакомое ощущение... будто его кто-то очень сильно балует?

Вскоре после завтрака начали прибывать посылки. И их было столько, что пришлось задействовать целый пикап. Гора коробок в гостиной напоминала небольшой холм.

— И что это всё? — Хо Чэнъи прижал ладонь ко лбу, созерцая этот хаос.

— Вещи, необходимые для путешествия, — азартно ответил Цзыхан, уже разрывая первую упаковку.

Перед глазами Хо Чэнъи предстали: дорожные подушки, легкие одеяла, портативные стаканы, прессованные футболки, коврики для пикника, гора импортных сладостей...

— Мы что, в поход идем?

— Мы же едем за границу! Это всё — базовый набор туриста.

— А сладости зачем? Я же говорил — никакой вредной еды!

— Мы будем путешествовать! Вдруг я проголодаюсь в дороге? Если я помру с голоду, кто тебя лечить будет!

Хо Чэнъи подошел к нему, взял за шиворот и пересадил на диван.

— Мы летим на частном самолете. Там есть кухня, и личный шеф-повар летит вместе с нами.

<http://bllate.org/book/15859/1443333>